

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-2-138-145>

Актуальные вопросы квалификации недобросовестной конкуренции и взыскания убытков

Р. А. Курбанов

заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Kurbanov.RA@rea.ru

А. М. Моисеев

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: moiseev.am@rea.ru

Current Issues of Unfair Competition Qualification and Recovery of Losses

R. A. Kurbanov

Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Kurbanov.RA@rea.ru

A. M. Moiseev

PhD in Law, Associate Professor
of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: moiseev.am@rea.ru

Поступила 20.03.2025 Принята к печати 10.04.2025

Аннотация

В статье поднимаются вопросы об особенностях квалификации актов недобросовестной конкуренции, их отграничения от иных близких по форме нарушений. Схожие составы нарушений можно обнаружить и в законодательстве о рекламе, в сфере торговли. Авторы подчеркивают важность и сложность квалификации актов недобросовестной конкуренции, что связано с применением ряда оценочных понятий, таких как добросовестность, разумность и справедливость. В статье проводится анализ ряда дел, рассмотренных арбитражными судами и управлениями федеральной антимонопольной службы, возбужденных по причине увода клиентов от одной компании к другой. Будучи не поименованными на специальном нормативном уровне, компании сталкиваются с отсутствием действенного механизма компенсации причиненных убытков, что часто возникает по причине сложности установления причинно-следственной связи, а также нежелания клиентов включаться в судебные тяжбы между хозяйствующими субъектами. В результате даже подтвержденные в административном порядке акты недобросовестной конкуренции не всегда стано-

вятся основой для взыскания убытков, а также для возмещения вреда деловой репутации. Авторы приходят к выводу о необходимости пересмотра вопроса об ответственности за недобросовестную конкуренцию, а также создания действенных механизмов для защиты от подобных явлений.

Ключевые слова: конкуренция, недобросовестная конкуренция, арбитражный суд, антимонопольная служба, реклама, судебная практика, торговля, налоги, административная ответственность, услуги, бизнес, риски, преимущество, убытки, деловая репутация, упущенная выгода.

Abstract

In the article, the authors raise questions about the specifics of the qualification of acts of unfair competition, their differentiation from other similar violations. Similar patterns of violations can be found in the legislation on advertising and in the field of trade. The authors emphasize the importance and complexity of qualifying acts of unfair competition, which is associated with the use of a number of evaluative concepts such as integrity, reasonableness and fairness. The article analyzes a number of cases considered by arbitration courts and departments of the Federal Antimonopoly Service, initiated due to the withdrawal of clients from one company to another. Being unnamed at a special regulatory level, companies face the lack of an effective compensation mechanism for losses, which often arises due to the difficulty of establishing a cause-and-effect relationship, as well as the disinterest of customers to engage in litigation between business entities. As a result, even administratively confirmed acts of unfair competition do not always become the basis for recovery of losses, as well as for compensation for damage to business reputation. The authors conclude that it is necessary to reform the issue of liability for unfair competition, as well as to create effective mechanisms to protect against such manifestations.

Keywords: competition, unfair competition, arbitration court, antimonopoly service, advertising, judicial practice, trade, taxes, administrative responsibility, services, business, risks, advantage, losses, business reputation, lost profits.

Любой акт недобросовестной конкуренции вредит как конечному потребителю, так и экономике в целом. «Действовать смело. Никого не расспрашивать. Побольше цинизма. Людям это нравится», – так говорил Остап Бендер. Подобный лозунг часто берется на вооружение в конкурентной борьбе, при этом механизмы полноценного противодействия актам недобросовестной конкуренции и компенсации вызванных ими убытков очень несовершенны.

Совершенная конкуренция в том виде, как ее понимал один из основоположников экономической теории Адам Смит, позволяет более эффективно распределять и использовать ресурсы. Также мы можем вспомнить про «невидимую руку» рынка, представления о которой вполне справедливо подвергаются критике более современных авторов. Например, Дж. Стиглиц говорил, что «невидимая рука» Адама Смита потому и невидима, что ее не существует [5. – С. 270].

Стоит выделить и мнение Ю. Тая, согласно которому «общепринятое представление о том, что, борясь с монополиями и иногда даже уничтожая их, государственные органы ускоряют экономическое развитие страны, а также способствуют развитию конкуренции, не имеет эмпирических подтверждений. <...> Зачастую непонятно, почему одни отрасли находятся под постоян-

ным контролем, а другие, в которых дела обстоят много хуже, остаются без внимания» [4. – С. 15].

Относительно противодействия недобросовестной конкуренции мы наблюдаем ситуацию, схожую с самыми обычными преступлениями. Конечно же, это сравнение весьма условно. Но мы понимаем, что как борьба с преступностью бесконечна, так и борьба Федеральной антимонопольной службы (далее – ФАС) и участников рынка с недобросовестными формами конкуренции тоже будет бесконечной. Выдача предписания и даже штраф не всегда останавливают от аналогичного или повторного нарушения.

Развитие законодательства, проработка правовых позиций по отдельным видам недобросовестной конкуренции безусловно способствуют более точной квалификации, укрепляют позицию ФАС, помогают удержать судебное решение, но не пресекают само явление. Задачей антимонопольных органов и государства в целом становится создание таких механизмов защиты рынка, которые помогали бы обеспечить эту самую защиту, взыскать убытки от неправомерных действий.

Законодатель подошел к контролю недобросовестной конкуренции путем разделения актов недобросовестной конкуренции на отдельные формы, или составы, в самом законе установлением ответственности на уровне Кодекса Российской Федерации по административным пра-

вонарушениям (далее – КоАП РФ), а также положениями о полномочиях антимонопольного органа и порядке рассмотрения дел.

В своем общем виде недобросовестная конкуренция представляет собой «любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации» – именно такое общее определение содержится в статье 4 закона «О защите конкуренции»¹.

Ключевыми в данном случае являются следующие формулировки:

– «действия хозяйствующих субъектов». Таким образом, недобросовестная конкуренция не может быть совершена в форме бездействия, это всегда будет волевой поступок;

– «противоправный характер». Тут мы видим, что законодатель существенно расширил границы-маркеры. Это не только законодательство, но и требования добропорядочности, разумности и справедливости. С одной стороны, такие формулировки могут показаться неточными. Но это свойственно любому из оценочных понятий. Кроме того, добросовестность уже имеет свое измерение в рамках концепции ожидаемого поведения². Да и в целом применение оценочного понятия (или его неточность) не равняется неопределенности в ситуации, когда оно может быть исследовано в конкретном деле.

На наш взгляд, здесь вполне применима неоднократно применяемая по многим делам³ правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации: «некоторая неточность, допущенная законодателем при формулировании

нормы, хотя и затрудняет уяснение ее действительного смысла, однако не дает оснований для вывода о том, что она является неопределенной <...> Кроме того, в судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению норм, а при расхождении в понимании нормы судами обеспечение надлежащего уровня гарантий конституционных прав граждан возможно посредством ее конституционно-судебного истолкования».

Использование оценочного понятия позволяет не ограничивать квалификацию акта недобросовестной конкуренции только формами, конкретно установленными в нормативном акте, что также часто встречается в случаях, когда законодатель определяет запрещенное поведение. Если мы создаем закрытый перечень запрещенного поведения, то столкнемся с тем, что неупомянутое недобросовестное поведение станет законным, а лицо не будет нести негативных последствий.

Однако, бесспорно, такая широкая терминологическая амплитуда (добропорядочность, разумность, справедливость) создает возможность интерпретировать любое действие конкурента на рынке как недобросовестную конкуренцию, что приводит к попыткам использовать ФАС как средство решения хозяйственных споров.

Возьмем в качестве примера уплату налогов. Компания А работает на рынке и исправно платит налоги. С учетом налоговой нагрузки, других обязательных платежей она может установить цену на свои услуги в 1000 рублей. Компания Б является конкурентом компании А, но налоги и обязательные платежи занижаются, что позволяет продавать свои услуги по цене 500 рублей. Можно ли считать это нарушением принципов конкуренции, или же это будет только нарушением налогового законодательства? И в случае, если услуги компании без лицензии становятся дешевле услуг конкурентов с лицензией, будет ли это актом недобросовестной конкуренции, либо мы уходим сугубо в законодательство о лицензировании и соответствующие статьи КоАП РФ? Сюда же можно отнести таможенное оформление.

Вопрос о налогах поднимался в 2016 г.⁴, но не нашел своего нормативного урегулирования.

¹ Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. – 27.07.2006. – № 162.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 30.06.2015. – № 140.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 2023 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. Е. Бахирева» // Российская газета. – 31.03.2023. – № 69.

⁴ Юристы просят приравнять неуплату налогов к недобросовестной конкуренции. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/03/16/633735-yuristi-prosyat-priravnyat-neuplatu-nalogov-nedobrosovestnoi-konkurentsii> (дата обращения: 26.05.2025).

Также в феврале 2025 г. Ассоциация торговых компаний и товаропроизводителей электробытовой и компьютерной техники (РАТЭК) обратилась с жалобой на то, что маркетплейсы устанавливают заниженные цены, и это усложняет для физических розничных магазинов возможности для конкуренции¹.

Тем не менее в судебной практике можно обнаружить важную правовую позицию, которая вытекает из дела № А04-1665/2018, связанного с платностью передачи данных в региональную навигационно-информационную систему (РНИС).

ООО «Система мониторинга» подала жалобу на необоснованное установление платы за услуги АО «РНИЦ Амурской области» (далее – АО) по организации информационного обмена между программным комплексом локальных операторов и РНИС, а также платы за прием ретранслируемых мониторинговых данных. К этой системе должны в обязательном порядке подключаться школьные автобусы, транспортные средства категорий М1, М2 и М3, тяжеловесные и другие транспортные средства. Их владельцы могут осуществить подключение двумя способами:

- заключить договор с АО;
- через локального оператора заключить договор с АО о ретрансляции мониторинговой информации.

Претензии сводились к тому, что клиенты ООО «Система мониторинга» перешли к АО, так как последнее запросило пароли от спутникового оборудования (в том числе клиентов ООО «Система мониторинга») и осуществило их переностройку. В результате на серверы ООО «Система мониторинга» перестала поступать мониторинговая информация с бортового оборудования. У ряда компаний отпала целесообразность в услугах компании, так как они могли получать аналогичные услуги у АО.

Амурское УФАС возбудило дело по статье 14.8 Закона о защите конкуренции с трактовкой «запрет иных (не поименованных) форм недобросовестной конкуренции». Кстати, эта статья часто используется как форма защиты от «увода» клиентов. В этом деле Амурское УФАС посчитало

также, что ООО «Система мониторинга» может нести убытки в виде недополученного дохода. Почему Амурское УФАС пришло к такому выводу?

1. ООО «Система мониторинга» и АО являются конкурентами.

2. Действия АО являются недобросовестными. Данный вывод обоснован ссылками на гражданское законодательство: взимание АО платы за ретрансляцию не соответствует принципам и общему смыслу гражданского законодательства, обуславливающим возмездность договора получением потребителем какого-либо блага (товара, работы, услуги). АО, взимая плату за вышеуказанные действия, не предоставляет ни локальному оператору, ни клиентам локального оператора какого-либо встречного исполнения.

Фактически это означает, что владельцы платят не за получение какой-либо услуги для себя, своей коммерческой деятельности, а для того, чтобы работала система, необходимая государственным органам для выполнения функций контроля и надзора. Обратим внимание на трактовку антимонопольным органом гражданского законодательства, даже его основ и начал, за что не всегда берутся даже суды.

3. АО создало для себя преимущество, пользуясь статусом оператора РНИС.

4. Владельцы транспортных средств, заключающие прямые договоры с АО, поставлены в более выгодное положение по сравнению с клиентами, имеющими договоры с локальными операторами, что приводит или может привести к убыткам локальных операторов при оказании мониторинговых услуг либо к отказу клиентов от договорных отношений с локальными операторами в пользу АО (в случае увеличения стоимости мониторинговых услуг в связи с необходимостью дополнительной оплаты услуг по ретрансляции мониторинговых данных в РА).

АО попыталось обжаловать данное решение в арбитражном суде, который встал на сторону УФАС. Однако решение было отменено на уровне кассации, и, соответственно решение УФАС было признано незаконным. Окружная инстанция отметила, что затраты АО носят обоснованный характер (они идут на первоначальную организацию обмена данными с локальным оператором, на хранение, обработку, анализ полученных от локального оператора в режиме реального времени данных о перемещении транспортных средств). Кроме того, кассационная инстанция отметила, что обязательная передача информа-

¹ Магазины пожаловались в ФАС на низкие цены на маркетплейсах. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/11/02/2025/67aa34a29a7947291d7a7950?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2Fbd421647-14ae-50c7-87d6-c5fc446627f3 (дата обращения: 26.06.2025).

ции необходима не для всех транспортных средств и была возможна только при участии АО.

В итоге дело ушло в Коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), которая отменила это решение, восстановив в силе решение первой инстанции, тем самым поддержав позицию УФАС. Для нас чрезвычайно важна использованная судом мотивировка, определяющая, что для квалификации деятельности в качестве недозволенной (недобросовестной) конкуренции значение имеет не как таковое соблюдение (нарушение) гражданского или отраслевого законодательства, а иные обстоятельства:

- затрагивает ли действие права и законные интересы иных участвующих на рынке хозяйствующих субъектов и потребителей (т. е. является ли оно актом конкуренции);
- направлено ли оно на получение преимуществ не за счет собственных экономических ресурсов, а за счет иных участников рынка;
- совместим ли избранный способ получения преимуществ с честным предпринимательством.

И опять же ВС РФ отмечает необходимость оценки действий в контексте ожидаемого поведения, которое хотя и имеет имущественный интерес, но не должно выходить за пределы осуществления гражданских прав. Продемонстрированный подход позволяет опираться на оценку действий по факту нежели на формальный подход оценки законности.

Впоследствии эта правовая позиция ВС РФ была развита в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 5 сентября 2019 г. № 307-ЭС19-9220 по делу № А56-47995/2018¹, которая постановила необходимость разделения нарушений законодательства.

В деле № А56-47995/2018 оспаривалось решение регионального УФАС, посчитавшего продажу табачной продукции с нарушением установленной отраслевым законодательством (об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака) 100-метровой зоны преимуще-

ством перед другими продавцами. ВС РФ, отменяя решение УФАС (при поддержке суда первой инстанции, а также несмотря на апелляцию и кассацию УФАС), отметил «необходимость ограничивать нарушения лицом положений гражданского законодательства, законодательства о налогах и сборах, законодательства о лицензировании, иного законодательства, влекущие за собой получение различного рода выгод и преимуществ, от нарушений, которые направлены на получение выгод и преимуществ в результате недобросовестной конкуренции».

Из этого мы можем сделать вывод, что нарушение отраслевого законодательства будет являться актом недобросовестной конкуренции только в случае установления намерений хозяйствующего субъекта использовать преимущества от нарушения для извлечения выгоды, причинения убытков конкурентам либо умаления их деловой репутации.

Похожий водораздел просматривается и при сравнении норм законодательства о рекламе и закона о защите конкуренции. КоАП РФ содержит отдельные составы нарушений:

- статья 14.3 (Нарушение законодательства о рекламе);
- статья 14.33 (Недобросовестная конкуренция).

Сами составы нарушений, которые касаются дискредитации, введения в заблуждение, некорректного сравнения и др., весьма похожи. Надо отметить только, что законодательство о рекламе оперирует понятиями «недобросовестная» (в случае некорректного сравнения, порочащих сведений, создание смешения) и «недоверенная» (введение в заблуждение).

Пункт 7 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 8 октября 2012 г. № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона “О рекламе”»² направляет по пути квалификации деяния как нарушения закона о рекламе, если недобросовестная информация распространяется посредством рекламы. Если же это, например, перепис-

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 5 сентября 2019 г. № 307-ЭС19-9220 по делу № А56-47995/2018. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0ed71c7d-945e-481b-a9e3-226fc38b4336/fe5dd4d2-cdc2-4d2f-9f0e-e8305527724e/A56-47995-2018_20190905_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 26.06.2025).

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 октября 2012 г. № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона “О рекламе”» // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 12.

ка с отдельными клиентами, то ответственность будет уже по статье 14.33 КоАП РФ.

На наш взгляд, пункт 8 Постановления Пленума ВАС РФ создает определенную сложность. ВАС РФ указывает на следующее: «8. Судам следует учитывать, что если информация, распространение которой отвечает признакам недобросовестной конкуренции, распространяется не только посредством рекламы, но и другим способом (например, на этикетках товара, в переписке с контрагентами по договорам), лицо подлежит привлечению к административной ответственности на основании статьи 14.33 КоАП РФ». Отметим, что санкции для юридического лица в части первой статьи 14.3 и части первой статьи 14.33 совпадают: от ста до пятисот тысяч рублей. Используя слово «не только» в пункте 8, ВАС РФ поглощает нарушение рекламного законодательства нарушением законодательства антимонопольного.

То есть если компания А распространяет дискриминационные сведения посредством переписки с клиентами, то это будет актом недобросовестной конкуренции, предполагающим ответственность по статье 14.33, если же посредством рекламы – 14.3. Следуя логике пункта 8, если компания распространяет дискредитирующие сведения посредством рекламы и переписки, то это будет статья 14.33 КоАП РФ. Как мы отмечали выше, ответственность для юридического лица одинакова, однако причиненный вред будет отличаться.

Очевидно, что вопрос соотношения положений закона о рекламе и закона о защите конкуренции требует совершенствования. Стоит обсудить проблему дополнения КоАП РФ положениями о недобросовестной конкуренции, сопряженной с недобросовестной рекламой отдельным составом. Кроме того, множественность / систематичность нарушения законодательства о рекламе как в отношении одного конкурента, так и в отношении многих также свидетельствует о недобросовестной предпринимательской практике, а не просто о нарушении законодательства о рекламе и влечет причинение убытков конкурентам, а также нанесение вреда/возможности вреда их деловой репутации.

Антимонопольное законодательство рассматривает убытки с позиции гражданского права, где они носят компенсаторный характер – расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстано-

вления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также недополученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) (пункт 2 статьи 15 ГК РФ)¹.

Подача иска о возмещении убытков сопряжена с доказыванием трех обстоятельств по делу:

- совершение противоречащего законодательству действия/бездействия, акта;
- убытки истца и их размер;
- причинно-следственная связь между убытками и действиями ответчика.

Разъяснение Президиума ФАС России № 11 отмечает: «потерпевший должен доказать, что нарушитель совершил определенное антиконкурентное действие или не совершил требуемое от него в соответствии с антимонопольным законодательством действие (допустил бездействие) (например, это может быть необоснованный отказ лица, занимающего доминирующее положение, от заключения договора – *прим. авт.*), заключил соглашение или принял акт, противоречащие законодательству о защите конкуренции».

Можно согласиться с позицией о том, что подавать иск о компенсации убытков стоит после обращения в антимонопольный орган. Это важное доказательство, и формально для суда оно является одним из прочих в этом деле. Что же касается преюдициального характера, то он зависит от участвующих в этом деле лиц. И тут потенциальный ответчик рискует, обжалуя решение ФАС о квалификации его действий в качестве акта недобросовестной конкуренции, так как, если суд будет на стороне надзорного ведомства, то задача истца существенно упрощается, так как останется доказать убытки, их размер и причинно-следственную связь.

Кроме того, важно помнить, что факт недобросовестных действий, хотя и может быть признан судом, не всегда будет вести к компенсации убытков. Например, в деле по компенсации убытков в результате дискредитации ФАС установил

¹ Разъяснение Президиума ФАС России от 11 октября 2017 г. № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 11.10.2017 № 20) // Правовые позиции коллегияльных органов ФАС России (книга вторая) : сборник / отв. ред. С. А. Пузыревский, О. А. Москвитин. – Москва : Проспект, 2020. С. 35.

факт совершения недобросовестных действий: направление клиентам конкурента дискредитирующих сведений о качестве услуг, «непрозрачность счетов», что повлекло расторжение договоров (Постановление Карельского УФАС России от 10 ноября 2015 г. о наложении штрафа по делу № 03-17/79-2015 об административном правонарушении)¹. ФАС путем запросов установил, что у клиентов «сложилось устойчивое мнение о намеренном введении в заблуждение, некорректном сравнении». Факт обращения к конкурентам был установлен подтверждением звонков с номера, принадлежащего компании. То есть существует вполне сильное и обоснованное решение регионального УФАС, подтверждающее недобросовестные действия.

Далее компания обращается в арбитражный суд за взысканием убытков в размере 35 000 рублей (расходы на юридические услуги, связанные с представлением в ФАС, что не является судебными издержками), а также опровержением порочащих деловую репутацию сведений и взысканием упущенной выгоды (после уточнения – 36 000 рублей, а изначально убыток превышал 200 000 рублей). В суд привлекались контрагенты, с которыми были расторгнуты договоры. Тем не менее суд отказывает в удовлетворении требований по следующим основаниям:

- некоторые контрагенты не участвовали в рассмотрении дела в антимонопольном органе;
- те компании, которые участвовали в рассмотрении дела в ФАС, дали объяснение, что «в отношении них ответчиком не было допущено фактов недобросовестной конкуренции, расторжение договоров с истцом вызвано исключительно коммерческими интересами». На наш взгляд, ожидать, что контрагенты пояснят, что причиной расторжения является сформированное негативное впечатление, довольно сложно;
- сам по себе факт расторжения договоров с истцом не свидетельствует о наличии со стороны ответчика фактов недобросовестной конкуренции;
- установленные антимонопольным органом факты распространения путем телефонных переговоров порочащих деловую репутацию истца

сведений в отношении конкретных контрагентов не свидетельствуют о наличии указанных фактов в отношении других контрагентов.

В результате арбитражным судом были взысканы только расходы на представительство в антимонопольном органе. В вышестоящих инстанциях дело не оспаривалось. Конечно, данное решение не является типичным, но подобных примеров можно найти массу, что подтверждает некоторую оторванность дел о недобросовестной конкуренции от иных форм нарушений в сфере антимонопольного законодательства, предусматривающего оборотные штрафы. И продуманная политика в области взыскания убытков положительно сказалась бы на удержании конкурентов от подобных практик. Анализ дел о об оспаривании решений ФАС о недобросовестной конкуренции показывает, что не всегда потерпевшая от недобросовестной конкуренции сторона обращается в суд за взысканием убытков.

Можно согласиться с подходом, что суд должен установить однозначную причинно-следственную связь между актом недобросовестной конкуренции и убытками, исключив неподтвержденный, предположительный их характер. Кроме того, звонки и письма с предложением перейти от услуг одной компании к другой сложно признать неподобающей практикой в отсутствие дискредитации; обратное как раз свидетельствовало бы о разделе рынка. Стоит согласиться и с подходом о непредвзятости суда относительно позиции антимонопольного органа об оценке и убытков, и причинно-следственной связи. Но мы задаемся вопросом о целесообразности для потерпевшей стороны обращаться в ФАС, а затем и в суд с его инстанциями. Является ли сложившаяся система защиты от недобросовестной конкуренции эффективной, предотвращающей подобное поведение, не тратит ли добросовестный конкурент силы на доказывание правоты существенно больше, нежели признанный нарушитель? Ситуация тут похожа на защиту деловой репутации, что также далеко не всегда находит ожидаемого отклика в судах, по мнению заявителей.

Когда возникает вопрос о том, что можно сделать в конкретной ситуации, с конкретным конкурентом, невольно вспоминается «Монолог о любви» Е. Гришкова: «Есть такое чувство, вообще которое хоть и называется одним словом, но это такое чувство. Вот это чувство называется таким словом, которое на родном языке произносить крайне сложно. На чужом, иностранном,

¹ Постановление Карельского УФАС России от 10 ноября 2015 г. о наложении штрафа по делу № 03-17/79-2015 об административном правонарушении. – URL: <https://br.fas.gov.ru/to/karelskoe-ufas-rossii/03-17-79-2015/?query=03-16/19-2015> (дата обращения: 26.06.2025).

сколько угодно безответственно его можно говорить. А скажешь на родном языке, тут же об него споткнешься и как бы извиняясь откашляешься. И даже если это слово подумать, там у себя в мозгу, подумаешь, и тут же как бы извиняясь споткнешься об него и откашляешься... Это слово – любовь». С убытками ситуация очень похожая: что делать в случае акта недобросовестной конкуренции? И юрист скажет, что можно взыскать убытки, немного перед этим споткнувшись. Существуют положения гражданского законода-

тельства, положения законодательства антимонопольного, может, будет и решение антимонопольного органа в защиту потерпевшей стороны. Но будет ли этого достаточно? Эти дела, помимо объективной стороны, имеют еще и богатую субъективную сторону (умысел, целеполагание, позиции клиентов, которых приходится приглашать в ФАС, а затем и в суд) у всех участников правоотношений, что в конечном счете повлияет на мнение арбитражного суда по вопросу убытков.

Список литературы

1. Буранбаева А. С. Понятие и признаки недобросовестной конкуренции: проблемы квалификации // Юридическое обозрение: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей II Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2024. – С. 110–112.
2. Выродова Д. Н., Тугульдурова Э. Б. Доказательства, необходимые для взыскания убытков от недобросовестной конкуренции // Актуальные вопросы современной науки: теория, технология, методология и практика : сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2020. – С. 174–177.
3. Елисеева В. А. Иные формы недобросовестной конкуренции: проблемы квалификации // XVI Итоговая студенческая научная конференция : сборник статей. – СПб, 2024. – С. 78–83.
4. Тай Ю. Предисловие // Рокфеллер Э. Антимонопольная религия / пер. с англ. под ред. В. Новикова. – Челябинск : Социум, 2012.
5. Stiglitz J. E. Towards a Broader View of Competition Policy // Competition Policy for the New Era: Insights from the BRICS Countries / ed. by Tembinkosi Bonakele, Eleanor M Fox, Liberty Mncube. – Oxford : Oxford University Press, 2017.